

характерной ее черте: германская армия, которая должна была быть брошена на поле сражения в начале войны, в мирное время была размещена таким образом, что резервисты для пополнения ее рядов жили вблизи тех частей, в которые они должны были вливаться. Французские же резервисты были не так размещены, вследствие чего было потеряно несколько дней на сложные железнодорожные переброски и на распределение людского состава. Но мы плохо понимали, что такое прусская аккуратность и внимание к мелочам, — качества, которые дали возможность сэкономить не только дни, но и минуты.

Посещение Меца входило составной частью в наши практические занятия по изучению военной истории и тактики; мы вовсе не намеревались заниматься шпионажем. Сведения, из которых мы извлекли важнейший урок, попали к нам совершенно случайно.

Нас с помпой принимал германский кавалерийский полк в Меце. В программу приема входил торжественный обед, длившийся с 5 час. 30 мин. до 11 час. 30 мин. вечера; спиртные напитки подавались в невероятном количестве. На следующее утро, когда мы пошли в казармы осматривать квартирмейстерский цейхгауз, наши головы трещали от боли. Мне бросилось в глаза, что одежда каждого резервиста лежит на отдельной полочке и покрыта одеялом. Такое внимание к мелочам сберегало много часов мобилизации: проходя через цейхгауз, солдат мог сразу взять одеяло, завернуть в него остальные вещи и пойти дальше. Этот цейхгауз, особенно в сравнении с цейхгаузами нашей армии, поразил меня больше, чем что-либо другое, свидетельствуя о тщательности подготовки Германии к войне. Как в то время, так и сейчас я держусь мнения, что основная причина страха, испытываемого нациями континента перед своими соседями, — не столько потенциальная мощь армий, сколько состояние немедленной готовности, в котором эти армии поддерживаются. Когда страх достигает высшей точки, начинается война. Урок, полученный Францией в 1870 г., никогда не может быть забыт.

Эти случайные наблюдения в Меце в 1891 г. дали нам гораздо более ценные сведения о быстроте мобилизации германской армии, чем любые донесения о немецких крепостях. Вообще от крепостей мы стремились держаться вдали. Если германская армия раньше вторгнется в соседнюю страну, то войскам последней, вероятно, никогда не удастся достигнуть германских крепостей. Наши хозяева

говорили об этом вполне откровенно. Тем не менее, в более поздние годы мы в высшей военной школе относились сравнительно хладнокровно к активности германских офицеров у нас в Норфольке, где они, как сообщалось, проходили нечто вроде штабной практики. Мы полагались на свой флот.

Мне приходит на память, как вскоре после начала мировой войны у нас отдавались приказы подготовить к отправке в глубь страны все такси и всех извозчиков из морских курортов нашего восточного побережья, чтобы ими не мог воспользоваться вторгшийся неприятель. Когда-нибудь интересно будет рассказать историю страхов перед вторжением немцев в Англию во время мировой войны. Сэр Уильям Робертсон в своей книге «Военные и государственные деятели» рассказал все, что можно опубликовать в настоящий момент.

Упоминание о том, что, пожалуй, может быть названо шпионажем в крепостях иностранного государства, приводит мне на память инцидент, имевший косвенное отношение к событиям мировой войны. В 1892 г., вскоре после посещения Меца, где я получил представление о том, как тщательно Германия готовится к войне, я находился в Константинополе в штабе сэра Джорджа Трайона. Германская военная миссия в Константинополе пользовалась значительным влиянием. Британское влияние, которое в предыдущие годы проводилось через военноморскую миссию, было на ущербе. Мы установили, что Турция благодаря давлению каких-то таинственных финансовых кругов уделяла большее внимание укреплению Дарданелл, чем защите Босфора; соответственно этому распределялись средства обороны, которые поставлялись фирмами центральных держав. Было ясно, что более важным считалось держать на почтительном расстоянии не русский, а английский флот. Тем не менее, султан Абдул Гамид сам, казалось, относился к нам весьма дружелюбно, о чем можно судить по следующему инциденту.

Как офицер разведки я, естественно, интересовался укреплениями Босфора, и мне хотелось сравнить их с укреплениями Дарданелл, которые я наблюдал во время путешествия в Константинополь. Возведение новых фортов в Дарданеллах было уже закончено, и ходили слухи о сооружении новых фортов для защиты Босфора. Как-то раз во время послеобеденной прогулки я, отдалившись от товарищей, направился в ту сторону, желая осмотреть возвышенную местность на европейском берегу близ Ру-

мели Кавака. Там я некоторое время сидел на небольшом холмике, с которого открывался вид на новую батарею. Признаки производившихся работ уже можно было ясно различить, и поэтому я сделал фотоснимок при помощи карманного аппарата. Щелкнув затвором, я осмотрелся кругом и увидел, что, пока я глядел в видоискатель, меня заметил турецкий часовой. Он крикнул что-то, и группа солдат начала взбираться на холм.

Неподалеку от меня был мой пароходный спутник. Я спрятал фотоаппарат в карман и, окликнув своего спутника, попросил его посидеть там несколько минут и присмотреть за моими вещами, а сам пошел в ту сторону, куда направились капитан Ноэль и капитан Вильсон (покойные сэр Джерард Ноэль и сэр А. К. Вильсон, оба впоследствии адмиралы). Чувствуя усталость, мой спутник рад был оказать мне такую услугу. Я догнал своих капитанов с максимальной быстротой, после чего мы все вместе медленно вернулись на холм. Там мы застали моего приятеля в сильном волнении. Он был окружен группой возбужденных турок, вооруженных до зубов. Сильно жестикулируя, они что-то кричали на незнакомом языке. Мы присоединились к этой группе. Был вызван турецкий офицер, который немного говорил по-французски, и он объяснил нам, что солдаты видели, как мой товарищ делал снимок укрепленного пункта. Мы порекомендовали нашему другу подчиниться, в виде уступки, оскорбительному акту обыска, чтобы доказать свою невиновность. Его обыскали и ничего не нашли, не заметив фотокамеры, оттопыривавшей мой карман. Мы заявили туркам, что теперь они должны быть полностью удовлетворены, а нам пора вернуться на корабль. На этом мы их покинули, а они принялись обследовать все расщелины и камни в окрестности.

Об этом инциденте, без сомнения, было сообщено в Константинополь, так как вечером меня вызвал к себе адмирал и рассказал, что султан спрашивал его, не интересуемся ли мы укреплениями Босфора, и если да, то нам будет разрешено посетить все форты, которые мы пожелаем осмотреть. В результате нам были предоставлены все возможности проверить слухи о том, что линии укреплений, обращенной к Средиземному морю, уделяется больше внимания, чем укреплениям, выходящим к Черному морю.

Эта старая история, несомненно, наведет читателя на мысль, что трагическая дарданелльская кампания 1915 г., о которой мы будем говорить в соответствующей главе,

могла бы иметь другой исход, если бы русские, в интересах которых эта кампания якобы велась, приняли активное участие в операциях, предприняв одновременно наступление со стороны Черного моря. Но политические стремления не всегда совпадают с возможностью проведения эффективных военных операций. По отношению к данному эпизоду это подтверждено сделанными впоследствии разоблачениями.

В виде вступления к главам, посвященным событиям мировой войны, пожалуй, полезно включить здесь еще несколько замечаний о моей работе за последние годы перед войной, когда я не был непосредственно связан с военными и морскими кругами в Уайтхолле, а также о том, какое впечатление производила у нас германская угроза.

Когда я в 1908 г. оставил высшую военную школу, у меня не было никаких сомнений в том, что среди военных деятелей господствовало мнение, высказанное сэром Генри Вильсоном, а именно, что в случае войны с Германией нам придется немедленно отправить во Францию британский экспедиционный корпус. Морские же круги, насколько мне известно, не шли так далеко. Мои дальнейшие замечания относительно позиции отдельных лиц в этом вопросе будут приведены в следующих главах. Здесь еще стоит упомянуть о конференции по обороне, созванной в Лондоне в 1909 г., вскоре после того, как из конфиденциальных источников было установлено, что Германия собирается форсировать выполнение своей программы военно-морского строительства. Я присутствовал на конференции вместе с делегатами от южноафриканских колоний, приехавшими в Англию в связи с консолидацией союза; на конференции они еще не могли выступать от имени всей Южной Африки, так как оформление Южноафриканского союза не было закончено. Все ясно сознавали все растущую угрозу со стороны германского флота и политику, которая привела к его усилению. Что касается военных кругов, то новый генеральный штаб армии делал все возможное, чтобы установить единообразие в обучении, организации и снаряжении всех военных сил империи. Вдохновителем в этом деле был сэр Спенсер Эварт, состоявший тогда руководителем отдела военных операций; покойный сэр Чарльз Колуэлл был деятельным его помощником. В то время никто не мог себе представить, какая масса войск потребуется в случае войны с Германией. В предвоенные годы все полагали, что в деле защиты Британской империи решающим фактором войны будет британский флот,

если боевая мощь его будет поддерживаться должным образом. В военных кругах предполагали, что отправкой в помощь французам британской армии из шести дивизий будет создан необходимый для победы перевес сил. Я убедился в существовании такой точки зрения из разговоров с членами генерального штаба в военном министерстве, когда служил в адмиралтействе в 1913 и 1914 гг.

Такие взгляды господствовали в военных кругах. Но в своем личном дневнике за январь 1909 г. я нашел указание, что покойный лорд Холден в свою бытность военным министром обладал более широкой перспективой и лучше понимал, какое большое военное напряжение может потребоваться от Британской империи, если «мы окажемся припертыми к стене», что оказалось в 1914—1918 гг. Я в то время приехал в Англию из Южной Африки на короткое время, чтобы присутствовать в Кемберли на первом заседании проектировавшегося имперского генерального штаба. Привожу запись из моего дневника, помеченную средой 27 января 1909 г.:

«Пожалуй, большой день. Завтрак с министром Холденом, присутствовали сэр Эдуард Грей и генерал Дуглас Хейг. Мистер Холден с удовлетворением заметил, что наша работа в Южной Африке вполне соответствует основной линии общеимперской политики как в данный момент, так и в отношении ее перспектив. Он надеется, что учреждение имперского генерального штаба явится большим достижением. Он разъяснил проект создания седьмой дивизии (из британских войск в Южной Африке и других местах) и подчеркнул его преимущества по сравнению с планом Кордуэлла: налицо будет военная часть, готовая к выступлению, а не импровизированное соединение случайных батальонов. По его расчетам, у нас будут, кроме семи дивизий и тех, которые находятся в Индии, еще четырнадцать территориальных дивизий в Англии и несколько дивизий в заокеанских доминионах».

Далее у меня записано, что Холден первый понял еще тогда, что в борьбе за правое дело вся империя сплотится и выставит войско, в составе которого в случае серьезной опасности будут армейские корпуса и целые армии. Я вспомнил эту запись в своем старом дневнике, когда Холден в самые мрачные дни мировой войны подвергся жестокой критике со стороны некоторой части прессы. В результате этой газетной кампании одно время ходил даже слух, что он, человек, сделавший больше, чем кто-либо другой из государственных деятелей нашего времени

для подготовки нации и всей империи к великому испытанию, заключен в лондонский Тоуэр, как изменник.

В наши дни как будто нет большой нужды в собирании секретных сведений о военных силах иностранных государств, состоящих членами Лиги наций, так как они все должны давать полную информацию о своих вооруженных силах, которая публикуется в справочниках о вооружениях, издаваемых ежегодно в Женеве. В прежнее время для офицеров, уезжавших в отпуск, и других патриотически настроенных людей, путешествовавших по чужим странам, открывалось широкое поле деятельности по собиранию соответствующих сведений. Тут возникал вопрос о пересылке сведений. Лучше всего, если это возможно, держать их в голове, даже в мирное время, когда нередко можно было отделаться легким наказанием, хотя могло последовать и заключение в крепость. Во время войны опыт показал, что опасность стать перед взводом солдат, взявших на прицел винтовки, или опасность виселицы обычно вызывается теми способами, которые применяются для отсылки информации по назначению. Почти все неприятельские шпионы, раскрытые в Англии во время мировой войны, были осуждены на основании письменных улик.

Для передачи информации во время мировой войны почти всеми странами усиленно применялись почтовые голуби. Неоднократно человек рисковал своей жизнью, если его видели в обществе этих своеобразных посланцев, которыми люди пользовались в течение веков.

Когда я начал работать в военно-морской разведке, меня сильно стал привлекать вопрос о голубиной почте. В начале своей службы в адмиралтействе я изучал методы Нельсона по добыванию сведений, наиболее важных для морского командования, — сведений о передвижениях неприятельских судов. Нельсон всегда пользовался фрегатами для наблюдения за всеми гаванями, где стояли, по его данным, неприятельские суда: фрегат либо передавал информацию непосредственно, либо (как это было перед Трафальгарской битвой) сигнализировал сведения другим судам, расположенным поблизости, для передачи сообщения дальше. Когда была изобретена и потом непрерывно совершенствовалась торпеда Уайтхеда, я считал, что пользоваться для наблюдений ценными крейсерами вблизи укрепленных иностранных гаваней, кишящих миноносцами, — предприятие слишком дорогое. Небольшие быстроходные яхты или даже рыболовные суда могут с тем же

успехом наблюдать за иностранными гаванями: в случае нападения они могут уйти и послать сообщения голубиной почтой. Я был слишком молод в то время, чтобы самому лично выдвинуть такое предложение, а потому убедил некоторых друзей в министерстве иностранных дел и в военном министерстве выдвинуть эту идею и привлечь внимание адмиралтейства к экспериментам, проводимым с почтовыми голубями за границей. Но мое предложение было в то время отвергнуто чиновником, наложившим на бумаге следующую резолюцию: «Оставить без внимания. Эти птицы могут доставить неверную информацию». Я решил тогда за свой счет завести голубиную станцию в Портсмуте, а впоследствии на крейсере «Экселлент» снова поднял этот вопрос. Я до сих пор не могу понять, что смутило упомянутого чиновника: неужели он думал, что враг может поймать живьем голубя, летящего над морем, и заменить дезинформацией отправленное сообщение?

Впоследствии, получив назначение на Мальту, я взял с собой голубей и основал там клуб любителей голубей. Я ставил своей целью организовать ежедневную голубиную почту между Сицилией и Мальтой, чтобы сохранить быструю связь, если кабели во время войны будут перерезаны.

Вскоре появился радиотелеграф, и мой проект был заброшен. В ночь со 2 на 3 августа германский броненосный крейсер «Гебен» вместе с «Бреслау» пришел в Мессину. На них погрузили уголь, и они ушли 6 августа в 5 часов утра. Весть об этом дошла до британского адмирала с опозданием. Таким образом, «Гебен» ускользнул от превосходных британских сил 10 августа невредимым успешно достиг Константинополя. Это было главным фактором, склонившим Турцию присоединиться к центральным державам, что полностью изменило всю картину войны и затянуло ее, вероятно, года на два. Я до сих пор убежден, что агент разведки в Мессине или близ Мессины мог бы послать сообщения о передвижениях «Гебена» скорее, если бы британский военно-морской флот имел в своем распоряжении голубей.

ГЛАВА IV

ХОРОШО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА (1914)

Мы намерены говорить о двух хорошо сохранных секретах, относящихся к первым дням войны, — об отправке во Францию небольшого британского экспедиционного

корпуса генерала Френча и о том сюрпризе, какой германцы преподнесли французам, выставив на поле сражения армию, гораздо более сильную, чем предполагал французский генеральный штаб. К счастью для дела союзников, первый из этих фактов создал противовес другому.

Только полная неосведомленность о численности тех германских армий, с которыми в самом начале должны были столкнуться французские войска, могла побудить французов задумать знаменитый «план № 17». Этот план сразу подверг их серьезным бедствиям: они попали в «кровавую баню» у Моранжа и в других местах; пятая армия Ланрезака вклинилась острым выступом между Маасом и Сомбром, где подверглась атакам германских сил с востока и севера, будучи открытой также для натиска с запада. Это привело бы ее к новому грандиозному «Седану», если бы первый секрет не был строго сохранен. Неприятель численностью свыше трех четвертей миллиона бойцов обрушился бы на эту армию с трех сторон.

Интересно проследить, каким образом сохранение британской тайны спасло положение и как эта тайна была сохранена.

Британское военное командование стояло перед трудной проблемой. В стране, где во всех закоулках кишели вражеские шпионы, приходилось тайно стягивать из множества мест десятки тысяч людей и лошадей, массу орудий и транспортных средств, чтобы сформировать свою «маленькую армию», которая, однако, если бы растянуть ее вдоль дороги, заняла бы сотню миль. Всю эту громаду необходимо было поместить в поезда и развезти по британским и ирландским портам в Саузсемптен (Southampton), Эвонмаус, Ньюхевен, Ливерпуль, Глазго, Дублин, Корк или Бельфаст. Своевременно надо было сосредоточить на различных железнодорожных станциях огромное количество подвижного состава.

В течение пяти наиболее горячих дней понадобилось 1800 специальных поездов; восемьдесят составов прибыло в доки Саузсемптена, где шпионам особенно легко было вести наблюдение. Для остальных портов цифры были аналогичны.

Затем наступила очередь морского флота обеспечить тайну. В те дни адмиралтейство перебрасывало войска по морю, теперь эту задачу выполняет министерство торговли. Нужно было быстро сосредоточить транспорт — процедура очень подозрительная. Нужны были суда для людей, специально оборудованные суда для лошадей, суда

для повозок, суда для грузовиков, которых в то время было немного; суда для боеприпасов и суда для продовольствия — словом, суда всех размеров и различных скоростей. Все они должны были быть нагружены, без риска доставлены в порты назначения и разгружены — и все требовалось сделать надежно и тайно, а тайна на войне означает безопасность. Нужно было избежать взоров вражеских агентов, которые могли быть расположены на длинных побережьях Саузсемптонской бухты, пролива Солент и острова Уайта.

Затем снова наступает очередь армии, которая должна была принять всю массу людей, лошадей, повозок и орудий, двинуть их к месту назначения и поспеть во-время, чтобы заполнить зияющий пробел между левым флангом всей французской армии и морем. Сохранение тайны было важнейшей задачей, но она казалась неосуществимой в данных условиях. Личные воспоминания человека, хорошо помнящего те дни, могут представить интерес для читателя.

Впервые в истории британскому военному ведомству была дана возможность заблаговременно разработать свои планы, хотя оно до последнего момента не знало, будут ли эти планы санкционированы кабинетом. Правительством было дано Франции только обещание совместно обсудить положение, но обязательства предпринять какие-либо действия не было. За это я могу поручиться. Переговоры генеральных штабов не связывали и не могли связывать правительство.

Генеральный штаб армии был создан недавно. Он был утвержден в то время, когда я между 1904 и 1908 гг. преподавал «имперскую стратегию» в высшей военной школе в Кемберли под руководством покойных лорда Роулинсона и сэра Генри Вильсона. Все преподаватели этой школы стали офицерами генерального штаба. Как только лорд Холден, лучший военный министр Англии в новейшее время, создал экспедиционный корпус, мы разработали, как нам полагалось, различные проекты использования его при всех мыслимых условиях в любой части света, включая Бельгию. Начиная с 1906 г. наш проект предусматривал использование этого корпуса в первую очередь в Бельгии, и отчасти вот по какой причине.

Генри Вильсон, посвященный в сокровеннейшие тайны военного министерства, являлся нашим руководителем. Он был в курсе «военных переговоров» с французским генеральным штабом, начавшихся примерно около того вре-

мени. Вопрос о том, как использовать британский экспедиционный корпус, если бельгийский нейтралитет будет нарушен Германией, тогда приобрел особое значение. Во время своих отпусков Генри Вильсон не раз объезжал на велосипеде бельгийские границы и поощрял слушателей школы делать то же самое. Так были обнаружены новые железнодорожные ветки, а также другие признаки того, что Германия намерена в соответствующий момент сосредоточить войска в районе Экс-ла-Шапель — Мальмеди. Таким образом, мы уже тогда уясняли себе общий характер знаменитого плана Шлиффена, который незадолго до того был принят генеральным штабом в Берлине. Все подробности этого плана еще до сих пор не раскрыты. Они, наверно, хранятся в архивах того зловещего здания в Берлине, которое занимал генеральный штаб. Этих подробностей не отыщешь в непроходимой чаще слов, произнесенных или написанных государственными деятелями и дипломатами. Военные архивы вообще ревниво оберегаются от беспристрастных исследователей.

Итак, имелось три плана: германский шлиффеновский план — направление решительного удара было предугадано нами в военной школе, причем сила удара оставалась неизвестной; французский «план № 17», явно основанный на незнании вражеских сил и намерений (британские военные органы, повидимому, до августа 1914 г. знали мало или совсем ничего не знали о «плане № 17»); план британского генерального штаба об использовании британской армии; его немцы, на свою беду, не сумели раскрыть.

Одно время британские военные власти считали наиболее целесообразным послать армию морем в Антверпен, не учитывая того факта, что оба берега Шельды принадлежат Голландии. Невозможно себе представить, чтобы такой план был одобрен каким-либо разумным английским кабинетом. Мы в высшей военной школе лучшим проектом считали высадку наших войск во французских портах, с тем чтобы немедленно установить связь с левым флангом французской армии, где бы он ни находился. Теперь все знают, что именно этот план и был принят в 1914 г. Поразительно, что этот секрет, как будет видно из дальнейшего, не был раскрыт немцами.

Здесь я приведу еще некоторые личные воспоминания, чтобы довести до конца рассказ о моей работе в предвоенный период.

Прослужив до 1912 г. начальником генерального штаба

при лорде Метьюэне, я оставался в Южной Африке до ранней весны 1913 г., помогая новому правительству Союза, в котором генерал Смэтс был министром обороны, организовать и обучить южноафриканские военные силы. В эти годы мы все более приближались к краю пропасти. Я несколько раз приезжал в Англию, поддерживая таким образом постоянный контакт с моими коллегами из генерального штаба армии, с комитетом имперской обороны и адмиралтейством. От самого Генри Вильсона я узнал об его личной дружбе с его французским коллегой генералом Фошем, имевшей в дальнейшем столь важные последствия.

По возвращении в Англию я вошел в состав нового «военного штаба» адмиралтейства и начал работать над некоторыми проблемами подготовки к войне в любом варианте, уделяя особое внимание тем пунктам, потеря которых поставила бы флот в крайне тяжелое положение.

У меня нет желания облегчить труд иностранным тайным агентам приведением списка таких пунктов; на составление его я потратил почти год, причем прибегал к помощи всех компетентных лиц в адмиралтействе. Всем известно, что, несмотря на разные пакты об упразднении войны, разведывательные органы даже наиболее миролюбивых наций и в наше время всячески стараются проникнуть в тайны других стран. Достаточно упомянуть, что, подходя к вопросу с точки зрения интересов флота, я открыл множество таких пунктов, где люди, которых в Уайтхолле называют «злонамеренными лицами», могли в те дни причинить затруднения флоту. На этой работе я хорошо ознакомился с этим типом людей, а также с лучшими способами пресечения их зловредной деятельности.

Итак, я предъявил читателю свои верительные грамоты, а сейчас перехожу к истории великой британской тайны и к рассказу о том, как она была сохранена.

Насколько мне известно, никто до сих пор не рассказал полной правды о двух званых обедах на Куин-Эннис-Гейт в роковое воскресенье 2 августа 1914 г., на которых присутствовали члены кабинета. От лорда Холдена я услышал незадолго до его смерти, что во время обеда в его доме в 7 часов вечера было получено известие о германском ультиматуме Бельгии; другой обед состоялся в доме весьма известного лица, расположенном почти рядом с домом Холдена. Участники этих обедов по-разному отнеслись к полученному сообщению. Но когда в понедельник утром на заседании кабинета полнее выясни-

лось значение упомянутого известия, то разногласия прекратились, и только два министра, лорд Морлей и Джон Бернс, вышли из состава правительства. В тот же день (3 августа) в 3 часа пополудни сэр Эдуард Грей произнес свою знаменитую речь, сплотившую воедино нацию и империю. Это было в день августовских «банковских каникул». Военное министерство оказалось в затруднительном положении. Германский ультиматум прозвучал в полном смысле слова, как гром с ясного неба, и сбор территориальных войск для обучения еще не был отменен. Приостановка этих занятий по обучению привела бы к усилению активности германских шпионов, и в пятницу еще была надежда на сохранение мира.

Нет нужды теперь копаться дальше в невыясненных подробностях: нам нужно было лишь наметить верные даты и показать, что каждый час в то время был дорог. Немцы вторглись в Бельгию во вторник (4 августа) рано утром. Приказ о мобилизации британской армии был разослан в 4 часа дня. Флот был мобилизован уже раньше. К полуночи Англия находилась в состоянии войны с Германией.

В среду в коридоре адмиралтейства я встретил Генри Вильсона, состоявшего тогда начальником отдела военных операций. Он был очень озабочен. Соглашение о возможной поддержке нами французов, достигнутое во время военных переговоров, в которых он принимал активное участие, предусматривало одновременно с мобилизацией французской армии мобилизацию британской армии и отправку наших шести дивизий во Францию. Исходя из этого предположения, были составлены подробные расчеты. Однако лишь в четверг 6 августа кабинет, наконец, принял решение о немедленной отправке четырех дивизий в места, указанные французами.

Заглянем теперь в «военную комнату» адмиралтейства, где всю стену занимает карта мира. Днем и ночью дежурный стоял у дверей, преграждая вход в эту комнату всем лицам, как злонамеренным, так и благонамеренным, если они не имели особого разрешения. Там в начале войны мы следили за передвижением «Гебена» и «Бреслау», которые проскользнули через нейтральные воды Мессинского пролива и таким образом ушли от преследования британского флота за несколько часов до объявления войны; после этого они никогда более не попадались в поле зрения таких мощных британских кораблей, которые были в состоянии вступить в бой с «Гебеном».

В этой комнате перебивало много высокопоставленных посетителей, в том числе и таинственная «персона».

В другой комнате мы обычно следили за всеми передвижениями армий, стоявших друг против друга на протяжении длинной линии фронта, южный фланг которого упирался в швейцарскую границу.

Кабинет назначил сроком начала передвижений британской армии воскресенье 9 августа. Суда для них были готовы раньше. Джон Френч пересек Ламанш 14 августа. К 20-му его армия была сосредоточена между Мобежем и Ле Като. К 22-му армия была уже около Монса, впереди левого фланга французской армии, которая готовилась двинуться вперед, прямо в пасть германской армии, не имея представления о численности огромных германских сил к северу от Мааса.

Знал ли враг о наших передвижениях? Настали напряженные минуты для тех, кто наблюдал за перестановкой флажков на карте, зная, что за этим скрывается: мы должны были ни больше ни меньше, как спасти положение, ибо «план № 17» уже вел к неизбежному финалу. Смысл этого плана стал для меня ясным из разговора с одним французским офицером тогда же, в августе, не помню точно, какого числа. Недоумевая по поводу передвижения флажков на военной карте, я обернулся к нему и спросил: «В чем же состоит план Жоффра?» Он ответил жестом: движением кулака из района Нанси к северо-востоку он показал направление удара. Но даже в случае временного успеха этот удар не мог бы предотвратить неминуемой катастрофы для отдаленного левого фланга.

В то время, примерно 22 августа, бельгийский генеральный штаб должен был иметь сведения о продвижении огромной массы германских войск через Бельгию севернее Мааса; для установления этого он имел много возможностей. Я до сих пор не могу понять, почему сэр Джон Френч знал так мало об этом. Вторая армия Бюлова наступала на французов. Намюр был накануне падения. Первая армия Клука наступала большой дугой; за ней вытянулась армия Марвица с целым корпусом кавалерии. Бельгийцы перед лицом превосходных сил противника отступили к Антверпену. Начиная с 18-го на простростанстве между длинными колоннами Клука и британским экспедиционным корпусом не оставалось никаких флажков. Крук должен был, казалось нам, знать, что перед ним имеется только небольшой британский экспедиционный корпус и

где именно он находится, хотя, быть может, он не знал, какова его сила или, точнее, слабость. Сам он имел не меньше шести армейских корпусов; из них два «резервных корпуса» — сюрприз, который немцы преподнесли французам. Кроме того, он имел или, вернее, к нему был придан целый корпус германской кавалерии, который в данный момент не состоял под командованием Клука, но был наготове и нуждался только в сведениях о позициях англичан, чтобы ударить им во фланг, в то время как с фронта они будут атакованы войсками Клука.

Знал ли об этом Крук? В этом было все дело. Мы можем, мне кажется, не придавать значения тому, что мощная германская радиостанция в Науэне оповещала весь мир о том, что англичане бросили французов на произвол судьбы, не послав им на помощь своей армии; возможно, что это был лишь агитационный прием. Мы знали, что немцы от своих шпионов до войны получили сведения о том, что если британцы пошлют войска, то высадят их в Зеебрюгге, близ голландской границы с Бельгией. Когда-то я сам писал в одном донесении, что Зеебрюгге — отличное место высадки, но занимает невыгодное местоположение. Германское командование было введено в заблуждение, и это говорит в пользу британской контрразведки. Крук был твердо уверен, что британская армия намеревалась высадиться в бельгийских портах, но потом выбрала французские гавани Дюнкерк, Кале и Булонь. Мы не собирались высаживать войска в бельгийских портах, мы не высадили никаких частей ни в Дюнкерке, ни в Кале, а в Булони высадили лишь небольшие силы. Еще до 20 августа Крук «пребывал в уверенности», что британский экспедиционный корпус высадился 18 августа в некоторых «французских гаванях», не зная, в каких именно и куда направляются войска.

22 августа вечером (в 9 ч. 30 м.) Крук обнаружил перед собой лишь один эскадрон британской кавалерии. Он издал тогда обычный походный приказ, будучи уверен в том, что местность на 50 миль впереди свободна. В роковое воскресенье 23 августа его авангард, не получивший никакого предупреждения, неожиданно наткнулся на британскую армию, преграждавшую ему путь. Германский кавалерийский корпус, который мог бы обогнуть британскую армию с фланга и отрезать ей отступление, находился в то время, примерно, в 40 милях, разыскивая британцев близ Куртре.

Спасение принесла тайна, и это приводит нас к вопросу:

каким образом эта хорошо оберегаемая военная тайна сбила с толку и запутала Клука?

Мы много слышали о «мобилизации», проводившейся в памятные первые дни августа, и очень мало о предшествовавшем ей «периоде предварительных мер предосторожности». Не было надобностей рекламировать ее объявлениями о призыве резервистов. Предосторожность, спасшая небольшую армию сэра Джона Френча, состояла в том, что враг был сбит с толку.

Чтобы понять дальнейшее изложение, нужно иметь представление о германской системе шпионажа. Мы легко можем установить ее отличие от британской системы, процитировав основные руководящие принципы шпионажа из довоенных британских и германских учебников. Британский девиз гласил: «Вводи противника в заблуждение и направляй на ложный путь»; германский девиз учил: «Действуй насилием и хитростью». В первом больше гибкости, второй более агрессивен. Германцы проводили массовую атаку своими легионами обученных шпионов, вымуштрованных, применявших везде одни и те же приемы и всегда ожидавших от начальства инструкций, как они должны обращаться с «глупым», стоящим ниже их врагом. На британской стороне работало небольшое количество тщательно отобранных людей, которые раньше проверялись на мелких поручениях, затем привлекались к выполнению важных заданий, а в дальнейшем могли перейти и в высшую категорию британской контрразведки. Эта система британской контрразведки удостоилась после войны высоких похвал от таких лиц, как полковник Николай, начальник германской разведывательной службы во время мировой войны, и от некоего Винфрида Людеке, опубликовавшего два года назад ряд статей в германской и швейцарской прессе.

Ранним утром 4 августа 1914 г. германские войска начали переходить бельгийскую границу. Они двигались тремя большими армиями, под командой Клука, Бюлова и Хаузена; в этих армиях насчитывалось соответственно 320 тыс., 260 тыс. и 180 тыс. человек; Бюлов и Хаузен должны были обрушиться на французскую армию Ланрезака; огромная армия Клука должна была обойти ее с левого фланга. Британия тогда еще формально находилась в состоянии мира. Тем не менее, дорожа каждой минутой, британская контрразведка начала действовать до того, как был издан приказ о мобилизации армии, арестовав, правда, лишь горстку германских шпионов,

работавших, как им казалось, в полной безопасности. Почему взяли лишь нескольких, оставив на свободе остальных? В контрразведке, как во всяком другом предприятии, основанном на конкуренции, успех зависит от умения взглянуть на дело с точки зрения противника. Путем изучения, а еще лучше инстинктивным чутьем можно определить, что он будет думать и как он будет действовать. Политический деятель должен угадывать ближайший поворот изменчивого флюгера — общественного мнения. То же самое приходится делать и журналистам. Солдат, говорил Фош, должен знать характер своего врага и делать соответствующие выводы о том, как он будет реагировать на перемену обстановки.

По меньшей мере за четыре года до войны (агадирский инцидент, когда мы были на волоске от войны, имел место в 1911 г.) в Англии было обнаружено много германских шпионов.

Они не были арестованы. В мирное время они не могли принести большого вреда, а если бы их тогда изъяли, то к наступлению критического момента появились бы другие. Полковник Николай утверждает, если память мне не изменяет, что мы якобы арестовали пятерых. Быть может, так оно и было, но я не припоминаю этих случаев: я помню лишь суд над одним обманутым и несчастным британским офицером. Мы держались того мнения, что высшая необходимость соблюдения тайны возникнет в самый последний момент, если нам когда-нибудь придется воевать с Германией. Основной оберегаемой тайной тогда явится тот день и час, когда наша армия начнет свое передвижение, и то направление, куда она двинется. Немцы не могли не знать численности английской армии, так как об этом писалось открыто. Они могли знать кое-что о ее боеспособности, наблюдая наши маневры и читая опубликованные сообщения о стрелковых состязаниях. (Тот факт, что они не изучили этих отчетов, к делу не относится; одно ясно, — что в противном случае они не приняли бы английский ружейный огонь у Монса за пулеметный.) Но момент отправки и место назначения британских экспедиционных сил — вот тот великий секрет, который требовалось сохранить.

Здесь я должен сделать одно замечание о соблюдении секретов, с которым от всей души согласятся все, когда-либо участвовавшие в разведывательной работе, а также лица, хотя и стоящие вне указанного узкого круга, но симпатизирующие нашему делу. Избранные не поверяют

своих секретов никому, даже друг другу: они знают, в каком состоянии постоянного напряжения находятся они сами, опасаясь в какой-нибудь момент беспечности выдать свой секрет. Чем меньше секретов они знают, тем лучше для них; вот почему они неохотно выслушивают сообщаемые им без нужды чужие секреты, а своими они не обременяют друзей.

В то время я не знал никаких деталей об отправке британских экспедиционных сил. В сферу моей деятельности входили только местности, из которых желательно было удалить «злонамеренных лиц», и я радовался, что, судя по результатам, они действительно были удалены. Не надо забывать, что в момент объявления войны в стране было больше 30 тыс. немцев. В Англии не было ни одного случая подрывной работы; ясно, что я не могу привести имена тех, кому мы этим обязаны. Я знал большинство этих людей до войны, с некоторыми из них я был близко знаком. Я заходил к ним, когда они сидели за работой, но никто из них не рассказывал о своих делах секретного характера.

По мнению этих людей, немецкие шпионы, как и немцы вообще, постоянно нуждаются в руководителях, без которых они беспомощны. Они уверяли, что немцы любят работать только по готовому «плану», придерживаясь его буквы; когда они предоставлены самим себе и вынуждены руководствоваться только *духом* своего плана, они могут совершить серьезные ошибки, находясь, повидимому, в ожидании новых инструкций. Сколько бы ни было германских шпионов в предвоенное время в Англии, Шотландии, Уэльсе или Ирландии, они могли действовать лишь под руководством своих вожakov и организаторов, а если этих последних убрать, то исполнители оказывались в беспомощном положении. Главарей надо изъять в соответствующий момент так, чтобы их невозможно было заменить новыми. В этом отношении, как впоследствии отметил начальник германской шпионской службы, Великобритания имеет большое преимущество, так как она окружена морем и не имеет сухопутных границ, через которые могли бы просочиться агенты разведки. Легче установить надзор за несколькими портами, где поток путешественников проходит через барьеры, а также за береговой линией моря, к которой можно приблизиться только на заметных еще издали судах, чем оберегать протянувшуюся на сотни миль сухопутную пограничную линию, охраняемую лишь в отдельных пунктах, между

которыми остаются большие разрывы. Мы в этом убедились на собственном опыте во время последней войны с бурами, когда нам пришлось построить на границе длинный ряд блокаузов и даже провести проволочные заграждения.

Весть о мобилизации нашего флота застала меня в Портсмуте в воскресенье 2 августа в 3 или 4 часа утра. Работа германских шпионов в Англии тогда была еще на полном ходу. Ранним утром 29 июля Первый флот с полным экипажем вышел из Портланда в неизвестном направлении. Об этом, как и о нашей морской мобилизации, в Германии знали.

В Берлине ничего не было известно о том, что офицеры британской контрразведки в течение ряда лет прочитывали всю переписку между двадцатью двумя германскими тайными агентами в Великобритании и их хозяевами в Германии, а также о том, что эта корреспонденция раскрыла нам всю сеть шпионажа, центр которого находился в Берлине. Это открытие, приведшее к важным последствиям, произошло следующим образом. Один видный германский офицер, состоявший в свите кайзера во время одного из визитов последнего в Англию, был прослежен, когда он, уклонившись от исполнения своих официальных обязанностей, свернул с нормального маршрута в район Каледониан-род (в северной части Лондона). Там он зашел в парикмахерскую некоего Э., по происхождению немца, рожденного в Англии и женатого на немке. Оказалось, что парикмахер был лишь «почтовым ящиком» шпионской сети. За свою работу он получал всего 5 шиллингов в неделю, и лишь недавно это жалованье было повышено до 12 шиллингов 6 пенсов. В целях маскировки он был связан с какой-то фирмой, на самом же деле он работал для германской разведки, откуда исходили многие письма. С этого времени вся корреспонденция Э. стала просматриваться, и было установлено, что он получал из Германии много писем, наклеивал на них английские почтовые марки и затем переправлял их в различные адреса. Таким образом была обнаружена крупная группа германских агентов, рассеянных по всей стране. Это был сильный удар по германской разведке. Удача, скажут нам, но эта удача отчасти была вызвана пристрастием немцев к централизованной организации. Если бы все эти письма посылались с германскими марками непосредственно агентам разведки, то, возможно, с ними ничего не случилось бы.

Итак, мы подошли к кульминационному пункту нашего

успешного разоблачения: в начале войны мы спокойно и незаметно, не прибегая к военной силе, арестовали с помощью полиции двадцать одного из двадцати двух германских тайных агентов, размещенных в нашей стране в мирное время, но тренированных в качестве шпионов военного времени. Все они в течение ряда лет были известны британской контрразведке, хотя и не принадлежали к категории лиц, «известных полиции». В Саузсемптене в качестве агента «работал» Томас Кегнамер. Пять агентов «работали» в Лондоне, трое в Ньюкестле, один в Барвике, один в Брайтоне, один в Винчестере, один в Барроу-ин-Фарнесс, один в Ситтингборне, один в Пэдстоу, двое в Портсмуте, один в Веймуте, один близ Плимута и один в Фальмуте. Они были просто интернированы. Не было публичного процесса, чтобы факт их провала не получил огласки. Их хозяева были сбиты с толку. Э. как британский подданный был приговорен к семи годам принудительных работ по обвинению в том, что он состоял на службе германской разведки. Одному из всей группы агентов удалось ускользнуть на пароходе, направлявшемся в Гуль. Если у него и была секретная информация о британской армии, она оказалась безвредной; доказательством тому служит заблуждение Клука и спасение сил Ланрезака, т. е. левого крыла всей французской армии.

Помимо ареста двадцати одного агента, было установлено строгое наблюдение еще за двумястами агентов. Тысячи иностранцев были интернированы, а на следующий день рано утром были перерезаны все германские подводные телеграфные кабели.

Итак, мы можем оставить армию Клука и кавалерийский корпус Марвица, «во тьмедвигающихся взад и вперед, в смятении не знающих, какой путь избрать, чтобы избежать удара невидимой руки...»¹ Удар был нанесен, по инициативе генерала Галлиени, шестой французской армией на правом фланге Клука, в то время как британская армия пробила брешь на его левом фланге.

Между тем среди части британской публики в первые дни войны наблюдалось сильное недовольство. В одном месте вдруг по неизвестной причине закрылись ставни небольшой табачной и газетной лавки, которую до войны держал иностранец. В одном большом отеле исчез лакей-иностранец, так хорошо знавший вкусы своих посетите-

¹ Цитата взята нами из одного автора XVII в., описывающего настроение сухопутных войск в ожидании налета неприятеля из неведомого места на морском берегу.

лей, — быть может, у него день, свободный от работы? Подозрительно странно исчезновение давнишнего знакомого — иностранного ученого, интересовавшегося геологическим строением восточного побережья Шотландии. Светские дамы вдруг лишились милой «французенки» из института красоты. Люди суеверные не могли понять, что стряслось с их любимым хиромантом или гадалею, а в первые дни войны об этом искусстве было много толков.

Вообще таким инцидентам придавали мало значения, но в воздухе носилось также много нелепых слухов, и военные власти подвергались жестоким нападкам со стороны лиц, веривших таким слухам. Рассказывали, что какая-то дама, рассматривая витрину на Бонд-стрит, споткнулась и нечаянно наступила на ногу белокурого выхоленного господина, с уст которого будто бы сорвалось немецкое ругательное слово, — ясно, что это германский офицер. Твердые корты для тенниса, недавно сделанные в садах некоторых иностранцев на окраинах Лондона, имели подозрительно толстый бетонный фундамент: молва превратила их в платформы для иностранных гаубиц. Но ведь последние куда лучше могли стрелять с любого места современного шоссе. Жители верхних этажей дымом из своих труб давали сигналы цеппелинам, в задних окнах полуподвальных помещений появлялись подозрительные огни... и т. д. Основанная на подобных слухах критика властей за отсутствием у них бдительности поощрялась официальными кругами, потому что репутация глупости — большой плюс для работы контрразведки.

Из всего изложенного вытекает, что в разведывательной службе опасно исходить из предпосылки, что другие народы отличаются недальновидностью. Попробуйте, например, состязаться с британским «буколическим» умом, которым обладают коренные жители английской деревни. Я сам многому научился в Южной Африке от одного старика-бура, которого все считали глупым.

ГЛАВА V

НАЛЕТ НА ОСТЕНДЕ

(1914)

Демонстративные атаки с небольшими силами или распространение ложных слухов, вызывающих у противника тревогу, являются признанными методами разведывательной работы во время войны. Мы переходим теперь к

блефу, предпринятому по инициативе Уинстона Черчилля, бывшего первым лордом адмиралтейства (морским министром) и членом военного совета в тот период, когда после 25 августа 1914 г. британская армия очутилась в весьма тяжелом положении. Хотя этот блеф не был крупной операцией, но его стоит описать как пример того, чего можно добиться с помощью более подвижных и должным образом снаряженных «сухопутно-морских» войск (*amphibious forces*). Это рассказ не о том, как оберегалась тайна, а о том, как, стремясь повлиять на общую военную ситуацию, мы добились того, что наш «секрет» дошел до врага и ввел его в заблуждение.

После столкновения у Монса британский экспедиционный корпус начал отступать по всему фронту. Наше предпринятие было задумано накануне того дня, как Смит-Дориен дал славный бой у Ле Като и задержал наступление германской армии Клука и кавалерийского корпуса Марвица, что дало возможность главным силам армии сэра Джона Френча беспрепятственно продолжать свое отступление.

Во вторник 25 августа 1914 г. поздно вечером я напряженно работал вместе с покойным адмиралом сэром Генри Джексоном в комфортабельной комнате адмиралтейства, окна которой выходили в Сент-джемский парк. День был жаркий, и, так как я работал уже с 3 августа без полного ночного отдыха, я задремал на диване в ожидании следующей партии телеграмм. В это время в комнату поспешно вошел начальник штаба покойный сэр Доветон Старди и спросил меня, есть ли у меня военная форма. Я в то время был полковником, так как недавно, по возвращении из Южной Африки, расстался со званием бригадного генерала генерального штаба армии. Я сказал адмиралу, что у меня есть синий мундир бригадного генерала, несколько тесноватый, который лежит у портного. «Прекрасно, — сказал он, — тогда придется вас снова произвести в бригадные генералы. Время не терпит. У первого лорда есть для вас задание, которое он вам лично передаст. Пройдите в его кабинет».

Я нашел мистера Черчилля с генерал-адъютантом морских войск, начальником моего корпуса. Перед ними лежала военная карта Фландрии, сплошь утыканная флажками, указывавшими расположение германских войск в Бельгии. Черчилль объяснил мне свой план, который, кратко говоря, состоял в том, что необходимо произвести высадку наспех сформированной бригады морской пехоты

в Остенде. Командование возлагалось на меня. Он задал мне вопрос: что нужно для выполнения задания, имевшего, по его словам, целью ввести в заблуждение немцев, отвлечь как можно больше германских войск на себя и таким образом облегчить положение сэра Джона Френча.

Он предложил мне изучить карту и дать ему ответ как можно скорее. Судя по тому, что я увидел на карте, пожалуй, удобный гроб являлся для меня наилучшим выходом из положения. Но, очевидно, не такого ответа ожидали от меня. Через три минуты я ответил: «Мне нужен хороший штабной офицер, 500 боевых патронов на человека, 500 велосипедов, карты Бельгии и письменные инструкции». Черчилль заявил: «Все нужное будет сделано. Вы должны поспеть на ночной поезд в Чатам, откуда главнокомандующий (сэр Ричард Пур) в самом срочном порядке доставит вас в Ширнес, где вы сядете на корабль «Эвриалис».

Пока я доставал свой мундир, запасался бульонными кубиками магии и некоторым количеством денег в английских соверенах, мой давнишний друг и коллега по совместной работе в былые дни в отделе разведки сэр Грэхэм Грин, секретарь адмиралтейства, быстро набросал следующий приказ:

«1. Завтра, 26 августа, днем, *если позволят обстоятельства*¹, вам предлагается высадить в Остенде части вашей бригады по мере их прибытия туда и занять город. Вы должны послать велосипедистов на разведку в Брюгге, Туру и Диксмюд. Вам надлежит укрепиться в Остенде, окружив город линией окопов, для прикрытия высадки армейской дивизии. Эскадрилья самолетов прибудет к вам до полудня, произведя предварительную воздушную разведку на расстоянии 30 миль вокруг Остенде. Эти самолеты будут находиться в вашем распоряжении.

2. Целью этого маневра является диверсия, благоприятная для бельгийцев, наступающих от Антверпена, и создание угрозы западному флангу германской армии, наступающей к югу. Следовательно, маневр должен быть демонстративным. Вы не должны продвигаться внутрь страны от Остенде, не имея дальнейших распоряжений, но аванпостные стычки допустимы. Сведения о неприятеле будут сообщены вам лично в адмиралтействе².

¹ Курсив мой. Я вспомнил эти слова, когда мне стала известна телеграмма кабинета сэру Дугласу Хейгу об отправке британских войск маршалу Фошу и ответ Хейга.

² Больше сведений я не получил.

3. Поставленная цель будет достигнута полностью, если значительные силы врага будут отвлечены к побережью. По выполнении задания вы должны совершить посадку на корабль.

Временно вам присвоено звание бригадного генерала».

Этот приказ, изданный от имени лорда адмиралтейства, был датирован и подписан 25 августа 1914 г. Мистер Черчилль по секрету устно добавил, что он ожидает моего возвращения через неделю.

Сэр Доветон Старди дополнил приказ указанием, что бригада должна действовать в непосредственной близости к берегу и должна иметь «такое снаряжение, чтобы она могла быстро производить и высадку и обратную посадку». Ее базой и источником снабжения должны были служить суда.

Когда я выезжал на такси со двора адмиралтейства, направляясь на вокзал Виктории, курьер поспешно вручил мне следующее сообщение:

«К СВЕДЕНИЮ

Телефонограмма из «Дейли Мейль» (от мистера Г. В. Вильсона)

Корреспонденты «Дейли Мейль», только что прибывшие из Остенде, сообщают адмиралтейству следующее (8 час. 30 мин. вечера):

Мы покинули Остенде сегодня, при приближении германских войск.

Весь гарнизон Остенде, состоящий из 4 тыс. человек, отступил в пятницу в Антверпен. Для прикрытия Остенде осталось 200 жандармов, которые вступили в стычку с 300 германских уланов, прибывших из Тилта. Потеряв 45 человек убитыми и ранеными и выполнив с честью задание, жандармы намерены капитулировать, в случае подхода более крупных германских сил».

На сообщении была пометка: «Первый лорд адмиралтейства осведомлен и решил не менять приказаний. Лорд Китченер осведомлен. Первый морской лорд осведомлен». Это дополнение было подписано инициалами начальника штаба.

Прибыв в Чатам ночью и поговорив в течение нескольких минут с главнокомандующим сэром Ричардом Пуром, я направился на его катере по реке Медуэй для посадки на «Эвриалис» — флагманское судно покойного контр-адмирала Артура Кристиена. Меня комфортабельно

устроили в свободной каюте, чтобы я мог отдохнуть в течение нескольких часов, оставшихся до утра. Затем прибыл чатамский батальон морской легкой пехоты с огромным количеством снаряжения и боеприпасов. Прибыть в Юстенде днем не было никакой возможности. «Эвриалис» прошел мимо маяка Нор только к вечеру. Вечером по радио был получен из адмиралтейства зашифрованный секретный приказ. Он содержал указание, отправленное — как мы полагали — первым лордом, что если Остенде окажется занятым германской армией, то мы можем высадиться в другом месте, с тем чтобы оттуда произвести рейд на Остенде. Приказ был отправлен из адмиралтейства на «Эвриалис» в 6 часов вечера 26 августа (в день битвы у Ле Като и разгрома Лувена немцами) и получен на «Эвриалисе» в 7 час. 5 мин. вечера. Он гласил:

«Старшему на борту офицеру и генералу Астону. — Если по прибытии вы найдете Остенде занятым немцами, вы должны действовать сообразно обстоятельствам и с учетом сил неприятеля. Старайтесь, по возможности, не подвергать город бедствиям ради незначительных операций и, если возможно, совершите высадку в каком-нибудь ближайшем пункте, чтобы, действуя оттуда, выбить неприятеля из города. Последнее предоставляется целиком вашему усмотрению. Подтвердите получение телеграммой».

Мы с адмиралом обсудили положение. Море было спокойно, и высадка на мелководном побережье, где суда должны бросить якорь в нескольких милях от берега, была совершенно исключена. Нам казалось, что лучше всего принять окончательное решение до прибытия в Остенде. Оказалось, что у адмирала было еще другое срочное задание, и он должен был направиться в Гельголандскую бухту (гельголандская морская битва произошла 28 августа). Уже почти стемнело, когда мы бросили якорь в 6 или 8 милях от Остенде. Адмирал заявил, что в темноте и при волнении на море ни в коем случае нельзя производить высадку людей с их тяжелым снаряжением в корабельных шлюпках. Офицер, посланный на катере в разведку, донес, что в Остенде нет германских войск. Я решил переночевать на небольшом судне, бросившем якорь ближе к городу, и в 3 час. 30 мин. утра сойти на берег еще до высадки десанта.

Итак, я высадился рано утром, когда было еще темно. Погода была холодная, а я вышел на берег совсем налегке; со мной не было ничего, кроме кубиков магги и английских золотых, находящихся в моей полевой сумке. У меня не

было ни штаба, ни личного аппарата связи — всего того, что полагается для командования бригадой в армии. Даже карты этой незнакомой местности у меня не было. Отсутствующий штаб заменял морской офицер лейтенант Кларк-Холл (сейчас он маршал британских воздушных сил), который превосходно выполнял обязанности бригадного майора. В последний момент я вспомнил о необходимости иметь с собой национальный флаг; Кларк-Холл, захватив с собой корабельный флаг, сошел с ним на берег. В огромном гулком здании вокзала на набережной в Остенде нас встретил мэр города и группа видных бельгийских деятелей, которые, как оказалось, ожидали нас уже в течение нескольких часов на платформе станции. Сообщая им о предстоящей высадке войск для спасения города от приближающейся германской армии, я мысленно уподоблял себя описанной в известной басне лягушке, которая затеяла сравняться в родстве с волком.

Итак, отряд чатамской морской пехоты высадился. «Эвриалис» сейчас же отправился в Гельголандскую бухту. Днем прибыло другое военное судно со старшим офицером на борту. Он сигнализировал издали, что ему нужны рыболовные суда для высадки войск, после чего удалился; вскоре на берег высадилась портсмутская морская пехота и отряд морской артиллерии из Истнея. К ночи прибыл третий старший офицер морского флота (адмирал сэр А. И. Бетель).

В час ночи 27-го я отправил в адмиралтейство зашифрованную телеграмму:

«Утвердился в Остенде сегодня к полудню. Сообщают, что Брюгге и Диксмюд свободны от неприятеля; главные колонны последнего двигаются по дороге Брюссель — Рене — Турне. Кавалерия была вчера в Менене и Ипре».

К ночи, ориентируясь с помощью плана города, взятого мной у одного из встречавших нас видных бельгийцев, я окружил город цепью пикетов, примерно на протяжении семи миль. У меня не было времени лично осмотреть местность, но этим успешно занимались батальонные командиры.

Вдруг в городе началась паника: сообщали о приближении германского аэроплана. Полагая, что это, быть может, одна из обещанных мне машин, я немедленно в реквизированном автомобиле отправился предупредить об этом аванпосты. Но я опоздал: головной самолет командира Самсона был встречен ружейным залпом, к счастью не причинившим ему вреда. Он приземлился на ипподроме, за

ним последовали другие. На следующий день прибыло еще несколько самолетов; всего их было девять; к ним был придан небольшой дирижабль. Прибыла также плимутская морская пехота. Мы расширили свои позиции и принялись рыть окопы. Нашей главной целью было ввести в заблуждение немцев и отвлечь часть их тяжелых колонн с дороги Брюссель — Турне в направлении Остенде. Обстоятельства как будто складывались благоприятно для нас.

Были кой-какие незначительные неполадки. Вместо 500 велосипедов, которых я потребовал в Лондоне, нам прислали всего дюжину или около того. Патронов было прислано по 500 на человека — судя по тому, как трудно было их выгрузить, но патроны оказались без обойм, а это означало, что мы свои магазинные винтовки сможем использовать лишь как однозарядные ружья. Из моих остальных требований не была выполнена просьба о присылке бригадного штаба и карт Бельгии. В связи с полученной мной инструкцией о таком снаряжении бригады, чтобы она могла «быстро производить высадку и обратную посадку», для меня было полной неожиданностью то, что на берег было выгружено около 300 *т* различного груза. Тут было почти все, что можно себе представить, за исключением того, в чем я нуждался больше всего: не было ни приспособлений для сигнализации, ни пулеметов, ни — главное — достаточного количества велосипедов. Я получил сведения, что одна германская дивизия находится совсем близко, в Оденарде, а велосипедисты могли бы завлечь ее к нам.

На борту «Эвриалиса» я оставил распоряжение, что при высадке солдаты должны быть снаряжены как можно легче, составив список вещей, которые они должны взять с собой. Однако в течение суток сменилось три старших морских офицера, и мое распоряжение, повидимому, было утеряно. Нам было прислано несколько полевых орудий и снаряды к ним, но без транспортных средств. Я отказался их принять, не желая оставить врагам наши орудия в случае поспешного отступления, что представлялось вполне вероятным.

Тем временем люди изо всех сил окапывались на позициях, охранявших все подступы к городу. Благоприятные обстоятельства перевешивали все указанные незначительные затруднения. Летчики под командой Самсона, проявлявшие много инициативы, показали образец хорошей летной работы. Самсон лично совершил поездку через Брюгге до Тура в блиндированном автомобиле, а один из моих

офицеров, полковник Осместон, вместе с несколькими бельгийскими офицерами в сопровождении небольшого вооруженного отряда добрался в автомобиле почти до самого Менена, приобретшего в связи с последующими событиями историческую известность. Нам удалось нанять до пятидесяти велосипедов, и я выслал велосипедные патрули в глубь страны, чтобы сделать демонстрацию как можно более внушительной.

Наибольшую пользу нам оказали такие сенсационные «факты», как слухи о русских войсках — о таинственных русских полчищах, которые, якобы, прибывали в шотландские порты и отправлялись по ночам на юг, — а также вести о том, что бельгийская дивизия, отброшенная от Намюра, погружается в Гавре на суда и отправляется в Остенде. Слухи о русских войсках, переданные мне корреспондентом газеты «Таймс», были нам чрезвычайно полезны. Мои моряки были одеты в синюю форму и носили круглые бескозырки, — германские шпионы легко могли принять их за русских. Через Остенде на юг проезжали толпы гражданского населения, и шпионская работа была очень облегчена. На вокзале я водрузил свой огромный национальный английский флаг, чтобы проезжающие разнесли повсюду весть об этом. Я позаботился и о том, чтобы слух о русских войсках был передан под *строжайшим секретом* возможно большему числу лиц. Это лучший способ добиться широкого оглашения; но, хотя я узнал впоследствии, что в Англии этому слуху поверили очень многие, мне все же в то время казалось, что было бы слишком большой самонадеянностью думать, что ему поверят эксперты германского генерального штаба.

Вот подлинные сообщения о бельгийских войсках. Первое из них — телеграмма адмиралтейства адмиралу Бетелю, командовавшему 7-м боевым эскадром близ Остенде; она была послана 29 августа в 1 час 45 мин.:

«Бельгийские войска численностью в 4 тыс. человек погружаются на суда в Гавре сегодня и направляются в Остенде. В воскресенье и понедельник (30 и 31 августа) из Гавра будут отправлены еще 12 тыс. бельгийских солдат. Французские военные авторитеты считают Зеебрюгге, ввиду глубокой осадки судов, наиболее подходящим местом для десанта. Поставьте в известность генерала Астона».

Сообщение кончалось сведениями о битве в Гельголандской бухте, куда направился «Эвриалис».

Я сказал адмиралу, что согласен с мнением французов,

что Зеебрюгге лучший пункт для десанта, — этим облегчалась моя задача по охране значительного городского населения Остенде; бельгийские военные власти сами должны были решить, достаточно ли в Зеебрюгге снабжение водой и можно ли там разместить войска. (Я лично считал, что хорошо было бы двинуть мой отряд в Зеебрюгге и, подкрепив его достаточным количеством орудий и инженерных частей, дать мне возможность укрепиться там и удерживать эту позицию. Вообще, если иметь в виду хороший блеф, — чем больше гаваней будет использовано для десанта войск, тем лучше.)

Затем ко мне явился из Дюнкерка начальник штаба коменданта и убеждал меня в том, что Дюнкерк более удобен для десанта ввиду его системы наводняемых укреплений, наличия там 20-тысячного гарнизона и гораздо более удобной гавани, чем в Остенде. В 6 час. 15 мин. я передал адмиралу Бетелю секретным сигналом свое мнение; в 10 час. 30 мин. утра я узнал, что адмирал переслал его в адмиралтейство и поддержал меня.

Между тем, в адмиралтействе, видимо, начали слегка беспокоиться о моем слабом отряде. В 10 час. 30 мин. утра я получил оттуда приказ, как следует укрепиться в окопах и удерживать район Остенде (около 8 миль в окружности — с помощью 3 тыс. человек) «против *всех* атак», что-бы прикрыть высадку 1 600 солдат, прибывающих в Остенде из Намюра через Голландию (sic!).

Я решил, что расшифровщики в спешке пропустили один ноль и сделали ошибку относительно Голландии, нейтралитет которой был бы нарушен при отступлении через ее территорию.

В 9 час. 10 мин. вечера я послал адмиралу успокоительные известия о состоянии моих оборонительных позиций, добавив, что я хотел бы иметь сведения о том, когда ожидаются бельгийцы. Из двух сигнальных сообщений адмиралтейства и одной телеграммы, согласно которой 3 тыс. бельгийских рекрутов должны прибыть в Остенде поездом, я составил цифру в 20 600 человек (телеграмма была послана секретно, но я надеялся, что «секрет» выйдет наружу). Я прибавил также, что желательно узнать, обеспечены ли бельгийцы патронами. Казалось, что задуманный Уинстоном Черчиллем блеф проводится вполне успешно.

Нельзя не упомянуть о похвальном отзыве одного французского офицера, пославшего в газеты сообщение о наших моряках в Остенде. Он писал:

«Я видел, как они высаживались в Остенде. Никто не

подумал бы, что они идут на войну. Казалось, они замечали только юмористическую сторону дела. Они смеялись, отпускали остроты, затевали грубоватые потасовки, оглашая воздух гомерическим, заразительным хохотом. Неудивительно, что собравшаяся толпа смеялась вместе с ними. Тем не менее, в их плотно сжатых губах чувствовалась угрюмая решимость. В их взорах чувствовалось сознание серьезности предпринятого дела и твердая готовность к борьбе с любыми препятствиями».

Прежде чем закончить это повествование, отметим впечатление, произведенное остендским предприятием Черчилля на германский генеральный штаб. Об этом теперь можно прочесть в превосходной официальной истории войны сэра Дж. Эдмондса. Вот что писал по этому поводу генерал-лейтенант Таппен:

«В тот момент (30 августа) в главной квартире не было недостатка в тревожных сообщениях. Остенде и Антверпен занимали в них значительную долю. Так, распространился слух, что многочисленные британские войска высадились в Остенде и выступили по направлению к Антверпену; сообщалось также о том, что из Антверпена будут предприняты крупные вылазки. Упоминали даже о высадке в Остенде 80 тыс. русских войск. В Остенде начались работы англичан по созданию большого укрепленного лагеря. Безопасность тыла и правого фланга армии требовала пристального и напряженного внимания».

Лиддл-Харт в своей книге «Правда о войне» недавно напомнил нам, что полковник Генч, прибывший в главную квартиру Клука в критический момент битвы на Марне, сообщил, что «англичане непрерывно высаживают свежие подкрепления на бельгийском побережье. Поступают также донесения о русских экспедиционных силах в тех же местностях. Отступление становится неизбежным».

Лиддл-Харт добавляет: «Мы знаем из других источников, что 3 тыс. солдат морской пехоты выросли в воображении германского командования до 40 тыс. и что говорилось также о 80 тыс. русских». Он придает большое значение поразительной легенде о русских войсках, распространившейся «столь таинственно».

Размышляя об этих событиях 15 лет спустя, я задаюсь вопросом: нельзя ли было сделать больше и что бы подумал германский штаб, если бы я получил и удачно использовал те 500 велосипедов, которые я требовал.

На деле 6 тыс. бельгийских солдат, переброшенных из Намюра через Гавр, были 30 августа высажены в Остенде

под прикрытием созданной мной линии укреплений. Я подружился с бельгийским генералом, сопровождавшим эти войска. Мы завтракали вместе с ним в вокзальном ресторане, и я посвятил его в свои тайные планы. Он задал мне только один вопрос: «Достаточно ли у вас велосипедов?» Я сказал, что в Остенде мне удалось достать лишь несколько штук, остальные были, очевидно, реквизированы для армии. Он комментировал мои слова одной фразой: «Желаю удачи».

Мои друзья в адмиралтействе, повидимому, все больше и больше беспокоились о моей безопасности, и адмирал сообщил мне, что получил распоряжение поддержать меня орудийным огнем с судов. Это было как раз то, чего я меньше всего желал. Стремясь выйти из этой операции с минимальными людскими потерями, я хотел провести свой тайный план: сконцентрировать свои небольшие силы и атаковать передовые части германских колонн, если они появятся в узких проходах между дамбами, пересекающими эту страну каналов и шлюзов; затем, оставив позади слабый арьергард и не подвергая опасности гражданское население Остенде отступлением через город, я предполагал двинуться к Дюнкерку, если нужно, — вдоль берега под прикрытием песчаных дюн. Суда адмирала Бетеля стояли далеко от берега, линия высоких дюн закрывала низменную местность для судовых артиллеристов. Я сам служил во флоте 12 лет и знал, как трудно стрелять с корабля по невидимой цели. Я не мог знать заранее, где будут расположены мои части во время боя, — это зависело от того, где будет к тому времени неприятель. Достаточно с нас было иметь перед собой сильную немецкую армию, а тут еще пришлось бы думать, как уберечься от тяжелых снарядов с дружественных кораблей. В конце концов адмирал сообщил мне, что когда после нашего многократного обмена сигналами адмиралтейство запросило его, почему он не поддерживает мой отряд орудийным огнем с кораблей, он ответил: «Потому что генерал Астон этого не желает».

Через несколько дней из адмиралтейства в 4 часа 30 мин. утра пришел приказ о погрузке на суда. Затем было получено сообщение адмирала, что германские радиосигналы перехватываются его судами с более близкого расстояния и что к ночи мы должны быть на борту. Судов не видно было с берега. Мне даже передали сообщение, оказавшееся ложным, что суда ушли в море. Наши люди работали великолепно, хотя и были удручены при-

казом об отступлении. Все снаряжение (около 200—300 т) было погружено в этой неудобной гавани при помощи одного маленького крана к 5 часам дня. Я последовал за своим отрядом с нашим национальным флагом, который не возвращался в Остенде в течение четырех лет.

ГЛАВА VI

СЛУХИ О ШПИОНАХ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ШПИОНЫ

Слухи и тайна их происхождения занимают во время войны важное место в работе разведывательной службы, потому что слухи оказывают значительное влияние как на армию, так и на население в тылу, а это отражается на моральном состоянии армии. Редко удается обнаружить первоначальные источники тех или иных слухов, ибо самые панические слухи передаются из уст в уста и притом, как все сенсационные сообщения, сильно раздуваются.

Адмирал Мэген, излагая историю испано-американской войны 1898 г., упоминает о вредном влиянии, которое оказал на действия американских морских сил нелепый слух о том, что несколько небольших и плохо снаряженных крейсеров генерала Сервера, якобы, направляются через Атлантический океан с целью атаковать хорошо защищенное восточное побережье Соединенных штатов. Он обрисовал картину паники в отелях и на приморских курортах и рассказал о том, какое давление производилось на правительство, чтобы оно направило военные суда для охраны побережья. Этим замедлилось окружение эскадры Сервера, которому удалось достигнуть укрепленного порта в Сант-Яго на Кубе, и, чтобы ее разбить, пришлось послать экспедиционные силы под командованием генерала Шефтера, жестоко пострадавшие от болезней в этом нездоровом климате.

В августе 1914 г., когда разразилась война, среди гражданского населения Германии ходило немало панических слухов. Контрразведка считалась делом чисто военным и была оставлена в руках командующих армиями, которые были слишком заняты другими делами. Утверждают, что в то время еще не было специального органа по работе контрразведки внутри страны. Результаты этого оказались достаточно серьезными. В стране начала свирепствовать дикая эпидемия шпионской лихорадки. Это происходило, по свидетельству германских авторитетов, главным образом благодаря «глупости и недостаточной компетент-